

Валентина ЛАТАНОВА (КУВШИННИКОВА), педагог, литератор. Родилась в 1938 году в Читинской области. Окончила филологический факультет Шадринского педагогического института (специальность – «учитель русского языка, литературы и немецкого языка»). С 1963 года жила в Ульяновске. Работала учителем, переводчиком в «Интуристе», руководителем Клуба интернациональной дружбы. Член Российского союза профессиональных литераторов.

Рассказы печатались в сборниках «Полети со мною рядом», «Радость прилива», в журналах «Мономах», «Карамзинский сад» и др. Автор книги «Укажи мне пути Твои».

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ

Продолжение. Начало см. журнал «Симбирскъ» №7 – 2020

Глава. 6

Синбирск. Встреча с прошлым

В Кремль Федор зашёл, крепко держа за руку счастливого Юрка. Они направлялись к своему боярину, который находился в доме воеводы. Федор рассматривал новые строения, возникшие за последние годы. Время от времени он спрашивал: «А это что?» И Юрок, за время отсутствия отца излазивший всё вокруг, охотно пояснял: «Это гауптвахта, это склады военные, а там новый дом архиерея, а это каменная палата, тут, сказывают, казну хранят...»

Русский человек любит вспоминать, но не любит жить. То есть он не живёт настоящим... только прошлым или будущим.
Д. Лихачёв

Когда проходили мимо деревянной Троицкой соборной церкви, Федор обратил внимание на одного из нищих на паперти. Что-то в его облике показалось знакомым.

«Кто таков? – пронеслось в голове, и ответ уже готов был припомниться, но Юрок потянул его за руку, поторапливая. – Да нет, померещилось». Федор постарался отогнать мысль.

Когда подходили к дому воеводы, услышали военные команды на русском и других языках. Это

Рис. Л. Неизвестная

чужеземные командиры учили на плацу стрельцов «новому строю».

– Как Иван? Здоров ли? – вдруг вспомнил Федор.

– Здоров ныне, а то худо ему было.

– Слава Богу! Сегодня навестим его.

У самого входа в дом воеводы их обогнали и бесцеремонно отстранили две важные персоны: один в военной форме, другой в обычном платье.

– Кто такие? – одним взглядом спросил Федор сына.

– Первый, что при пистолетах, – стрелецкий голова. Я его на плацу видел. Другой – староста. Лекарь сказывал, что он здесь после воеводы самый главный.

Юрок сразу провёл Федора в горницу к боярину. Чувствовалось, что мальчик здесь уже освоился. Боярин встретил их ласково. Был рад, что верный слуга вернулся целым и невредимым (про «рану пушечковую» Федор смолчал).

– Доложу, доложу князю о твоих делах ратных, – довольно произнёс боярин, выслушав рассказ, – а пока вот награда тебе от меня – кошелёк с казной да два дни отдыху.

С тем и отпустил.

– Юрка с собой беру. Спаси тебя Господи за взгляд.

– Карла, Карла благодари, – донеслось уже из-за двери...

Какая-то смутная тревога несла Федора опять к храму. Народ выходил из церкви со службы, а когда скрылся, нищего на паперти уже не было. Его увидел Федор далеко впереди, почти у самого арсенала. Видя, что «нищий», изображая из себя на паперти инвалида, сейчас почти бежал, его не удивило. Многие из братии сей намеренно стараются разжалобить дающих. Да Бог им судья. Но что высматривает сей вор у пороховых погребов? Вот этот-то истинно «плохудожественный» может оказаться. Пришло на ум слово, брошенное часовым с Белоярской башни.

Федор потянулся за подозрительным соглядатаем в посад. Скоро тот поспешно скрылся за воротами одного из домов. Место для Федора было приметное. Рядом стояла торговая лавка знакомого (ещё по первому приезду в Синбирск) татарина.

Возвращались снова мимо арсенала. Из ворот вышел мастерской в высокой шапке и в фартуке поверх рабочей одежды. Фартуком он вытирал запачканные копотью руки.

– Не было, что ль, до сих пор фуры? – обратился он к охраннику, сидевшему у ворот в будке.

– Нет, не было.

– Во аспиды! Ждём-пождём, а дело стоит! Надоно уж возы с пороховым зельем в Москву отправлять, в Пушкарский приказ.

Фёдор при виде говорившего востепенел.

– Семён? Вырыпаев? Здорово! Я тя по голосу признал.

– Здрав будь и ты! Кто таков?

– А помнишь, ты с нашим обозом бочки с порохом в Москву вёз?

– А-а. Это коли от ушкуйников под Нижним отбивались? Ба! Федька! Никак ты! Не чаял я тя встретить ещё. Запомнил я, как ты здесь ловко на кулачках бился. Стенка на стенку шли. Бился ты крепко, но и тебе единожды досталось. Думал, конец тебе...

– Да что уж там, не любили нас парней-москалей казачьи слободские парубки, – подхватил Федор.

– Знамо, за девок своих стояли. А ведь опосля, как ты уже уехал, один казак тут тебя разыскивал. Убить обещался. Сказывал – невесту ты у него смалил. Хлопчик-то твой? – спросил Семён, глядя на Юрка, – Неужто от казачки? Ха... умыкнул всё-таки девку! Ну горазд! Горазд! – продолжал Семен, не обращая внимания на попытки Федора что-то возразить. – А сюды-то снова зачем пожаловал? – полюбопытствовал Семен.

– Опять с боярином по делам. Ты мне вот что скажи: живут ли тут по-прежнему те казаки в слободе? – зашепел спросить Федор, заметив, что в их сторону от ворот кремлёвских заворачивает, привлекая внимание Семена, гружёная телега.

– Живут ли, спрашиваешь?.. Погодь. К нам ай нет телега?.. Да ты, чай, про девку свою? Подожди... Ай не так у ты всё с ней вышло? Да ты подумай, голова, давно, должно, замужем и детей полна хата. Сколь годов-то минуло! Ежели жива, конечно, – добавил он и закричал уже вознице. – Сюда! Пошто припозднился? Дело стоит у нас!

Возница соскочил с телеги, Семен сам взял лошадь под уздцы.

– Что ты, Семен, про погибель молвил? Доскажи!

– А то, что года через три-четыре после твоего отъезда нашествие на нас с Дикого поля было. Кремль им не по зубам оказался, а вот слободы порушили, и посадку досталось.

– Ну, пошла! Пошла! – Семен повёл лошадь с телегой за ворота и уже оттуда, спохватившись, прокричал:

– Ну, бывай, Федя! Если захочешь, найдёшь меня на Кружечном дворе, поговорим.

– Эх, не сказал, забыл! – Фёдор с досадой хлопнул себя по лбу. – Семён! Погоди малость!

Но повозка и сам Семён уже исчезли из поля зрения. А дорогу Федору преградил стрелец:

– Сюды нельзя! Нельзя, говорю!

– Да дело у меня спешное! Вас касаемое!

– Говори, что за дело, – вдруг вмешался степенный голос человека, появившегося по ту сторону ворот.

Высокий, с коротенькой бородкой, волосы на лбу перехвачены тесёмкой. Взгляд внимательный и требовательный. «Пооди, из старших мастеров здесь», – мелькнуло в голове у Федора.

– Подле ваших погребов человек некий подозрительный ошивался, будто умысел какой худой имеет. Пошёл за ним – не догнал, но дом его приметил.

– Кто, ведаешь ли? – оживился мастер. Выслушав Федора, протянул с удивлением. – Вот те раз! Не дай Бог, коли рванут наши погреба, то гром тот в Первопрестольной слышен будет. Ведь окромя пороху, сколь здесь ядер пушечных... Народец у нас в городе разнообразный, много пришлых, беглых, бобылей и прочих ненадёжных. К месту красному и хорошее, и нехорошее тянется. Ну, спаси тебя Бог! Упредил. На вечернюю службу в храм приходи. Глянем вместе на «нищего» твоего.

Но вечером на прежнем месте «нищего» не оказалось.

– Эх, спугнул, ну ничего, вечером посмотрим в дому его.

Пошли искать вчетвером: Федор, Семен, стрелец (вместо мастера) и Юрок.

Вид берегов Свяги и казацкой слободы памятью сердца отозвались в душе Федора. Ведь именно здесь в радостный праздник Троицы встретил он в юности свою Катеринку. Не судьба, знать, была. Но сколько лет несмолкаемой песней живёт её образ. Федор вздохнул. Они подошли к лавке Муслима.

Федора хозяин узнал сразу, пригласил на жилую половину дома. Спутники остались в лавке. Из женской половины появилась хозяйка София со снохами. Быстро накрыли на стол. Поставили выпечку, сладости, мёд, курагу, чай. Встречали с добрым восточным гостеприимством.

– А, Федя! Сколько лет прошло. Не забыл нас. Якши. Молодой тогда был. А сейчас вон какой батыр стал, и малайка с тобой, – широко улыбался хозяин.

– У-у, шайтан! Зачем другу жену взял, – проворчала хозяйка София, – Ты же не татарин – две жены. Зачем кызым сгубил? Девка плакал, мать, Шимка, долго плакал. Отец Стёпка из дома гнал дочь брюхатую.

– Да у нас за такое камнями могут побить девушку. Позор для всей родни, – потупившись, молвил Муслим.

Федор застыл в изумлении. Всё внутри у него похолодело. Чувство стыда за свой поступок было так велико, что не хотелось верить, что это всё о нём, а не страшный сон. Он сам не любил людей без

чести мужской. Так воспитал его Силантий. А теперь его, Федора, самого обвиняют принародно как самого последнего татя.

– Нет, это не так. Не ведал я. Разве она не замужем? Ведь к свадьбе готовились, за богатого и старого против воли Катерины родители её просватали. Обо мне и слышать не хотели. Да и что я мог? Себе не хозяин – увёз боярин меня. Разве она не пошла замуж? Не ведал я, как же так? А то сбежал бы к ней!

– Нет. Степка, отец её, вдруг умер. Шимка дочь простила. Кызым тебе малайку родила! – последние слова София выкрикнула радостно, видимо поняв, что Федор действительно ничего не знает.

– Что молвишь, апа? Сына? Мне сына?! – Федор привстал из-за стола. – А ты ничего не путаешь? Где она? Они где? – поправился он, готовый сейчас же бежать куда скажут, позабыв обо всём ином во свете.

– Сядь! – почти приказал ему хозяин. – Она... Нет её.

– Помер он, помер твоя девка, – успела выкрикнуть София, опережая мужа.

– Что-о?! – испуганно протянул Федор, не в силах вобрать в себя сразу все обрушившиеся на него известия. – Умерла! Катя умерла? Как? Когда?

– Много лет прошло. Давно, – с расстановкой произнёс Муслим, прислушиваясь, о чём говорит жена по-татарски с сыном Ахмедом, куда-то его посылая.

Спустя немного времени в дом вошла рано состарившаяся женщина в поношенной украинской кацавейке, повязанная цветным платком.

– А посмотри, Серафима, какой кунак у меня сегодня в доме. Не узнаёшь? – встретил её вопросом Муслим.

Женщина приблизила своё лицо к Федору, прищурив плохо служившие ей от пролитых слёз глаза. Узнав, отпрянула как от огня. Федор тоже узнать мать Катерины, встрепенулся и замер.

Серафима вдруг вымолвила неожиданное:

– Прости меня, Федя. Будь ласков, прости. Прокляла я тоби тогда. Вот Бог и вернул это проклятие на мою голову. Чи так, чи не так. Только погибла моя донюшка от сабли басур... – она запнулась, испуганно взглянула на хозяев, потом быстро поправилась. – от сабли ворогов.

В это время скрипнула дверь. На пороге появился Миколка, за ним – Ахмед.

«Миколка!» – «Федор!» – почти одновременно вскрикнули оба.

– Ты как тут... – начал было подросток и замолчал, не веря происходящему.

– Внучек, пидемо сюды, – позвала Серафима.

Брови Федора от удивления поползли вверх, он хотел что-то сказать, да так и застыл с приоткрытым ртом, повернув голову к Серафиме.

– Вот то сыночек твой, Федор. Усе рассказав мини Катерина, как кохала тоби.

Замолчав, Серафима выжидающе уставилась на Федора.

– Да ты, что, бабуленька? Врёшь-то пошто? – вскричал Миколка. – Это же Федор!

– Миколка, сын!!! – и крепко-крепко прижался к сердцу.

– Отец, где ты так долго был?

Миколка размазывал по лицу грязными руками слезы. Вся подростковая бравада слетела с него, он плакал по-детски, не стесняясь своих слёз.

– Я не знал! Вот те крест, не ведал, что ты есть у нас, сынок.

– Разве мамка тебе не говорила?

– Нет, не успела сказать...

Потом они сидели уже за столом, и Серафима рассказывала о пережитом:

– Степан мой умер раньше, чем он родился (родилась она на внука). Только Катерина всё равно решила замуж за богатого того казака. Уж как он старался, упрашивал: «Я тобы и такую возьму, идем сразу на Дон, ребёнка твоего перед людьми своим назову. Нет мне, Катерина, жизни без тебя».

– «А мне – без Фёдора», – отвечала она ему. Так и отказала. Просила я её одуматься. Нет, не помогло. Всё тебе ожидала. Мы жили втроём. Внучёк подрастал. Сначала всего хватало. От Степана много добра стало в доме. Крепкий он хозяин дому своему был. А потом перебивались как могли. Спасибо вот соседи наши, София да Муслим, выручали... Дай Бог им здоровья. Но всё равно счастье в дому у нас было тогда. Катерина жива была, сыночка своего кохала.

– Расскажите, как погибла она. – попросил Федор.

– Налетели вороги, всё порушили, мы бежали от них, кто в посад, кто успел – в Кремль. Я отстала, сердце не выдержало, задыхалась. Катерина не бросила меня. Я кричу: «Беги, дитя своё спасай!» Три пядика ему было, Миколушке. А всадники близко всем. Не успела добежать донюшка до ворот, достала её сабля, а конь, видно, пожалел дитя малое, не наступил. Добрые люди, знакомые, потом уж принесли мне дитя.

Серафима начала снова плакать, но София прикрикнула на неё нарочито строго:

– Шимка, бросай плакать. Твоя отца малайке нашла. Аллах помог! Сейчас проси денег у Федора. Ты совсем больная. Вдруг помирай, Миколка как жить будет? Вон у него (кивнула она на Федора) ещё малай есть, уедет он к другой жене.

Юрок сидел, сжавшись на лавке, ничего не ел, растерялся совсем и не знал, как ему быть. Федор только сейчас вспомнил о нём, взглянул, всё понял и придвинул мальчика ближе к себе, пожалел. И, указывая на Миколку, твёрдо сказал Серафиме, Софии и всем:

– Я с собой его возьму. Оба сына мои. Не брошу.

Лицо Юрка просияло. А Миколка растерянно взглянул на Серафиму:

– А ты как же, бабуня? Ты как?

– В монастырь в женский пиду. Давно туды хочу. Там и богодельня есть. Да вот, Миколка, ты мини задерживал. А теперь уйду, не журишь обо мне, внучек.

Федор достал тугой кошелёк с казной, что получил сегодня от боярина, и половину отсыпал денег в руки старой женщине. Руки её затряслись, и она прошептала:

– Мени ничего не надо. А вот в монастырь с чем пиду. Бедность там. А хата моя развалилася почти. Groши туда снесу, в монастырь. Спаси тебя Бог, Федя!

Прощаясь, она истово перекрестила внука, по-

том повисла на нём, плача. Миколка постоял так минуту-другую, потом осторожно отодвинул бабушку и выбежал из дома, ни на кого не глядя.

Настала очередь и Фёдора проститься:

– Прости меня, мать, и благослови.

– Бог простит, а я прощаю. Береги, Федор, внука моего, сына твоего. В том тебя благословляю.

На улице все невольно облегчённо вздохнули.

Спутники Федора, которые давно уже пронаблюдали за происходящим в доме через открытую дверь, были молчаливы и взволнованны. На прощание крепко пожали руку Федору.

– Ты знаешь, где найти меня, Федор. Дай знать, что узнаешь о тате, о нищем. – крикнул Семен, оглянувшись.

– Упрежу. А вы там у себя глядите в оба! – отозвался Федор. С тем и разошлись.

По дороге возбуждённые дети приставали с расспросами к отцу. Федор сосредоточенно молчал или отвечал невпопад, ему предстоял трудный разговор с боярином. По законам того времени Лука и Миколку мог теперь причислить к своим холопам, чего Федор не мог допустить ни за что на свете.

К удивлению Федора, боярин встретил новость с пониманием, даже весело подтрунивал, мол, молодой да ранний в юности оказался. Он знал ту давнюю историю Федьки с местной девицей здесь, в Синбирске. Казаки приходили тогда к нему с жалобой и угрозами на холопа. Лука поспешил увезти юношу от греха подальше, помнил свой обет перед дядей Силантием – опекать Федьку. Боярин, выслушав, велел позвать Миколку. Любопытно было взглянуть на парнишку. Потом велел отослать детей на улицу и обратился к Федору уже строго:

– То, мыслю, ведомо тебе... Юрок сын мне, – сказал по-барски, заранее указывая Федору его холопское место.

Федор, нахмурившись, молча кивнул.

– Коли сына своего нашёл, оставь мне моего... Юрка!

– Какой он твой, боярин? Ты Марию мою силой взял. Всё она мне поведала. Вольно вам, барам, крепостных девок губить, – вскипел Федор, что случилось с ним крайне редко.

– Цыц! Пошто дерзишь, холоп? Кабы не Силантий... – тут вдруг Лука замолчал. Одного упоминания имени покойного дядюшки оказалось достаточно, чтобы заговорить по-другому.

– Есть, есть преграда, – вздохнув, произнёс он. – Господь Бог преграда! Только памятуем о нём опосля, когда уже согрешим. Замучился я на сынка своего родного издали глядеть. Не дал Бог мне другого, к этому прилип душой. В дом взял бы, да чудится мне, боярыня догадывается о том, не взирая на лжу мою. Женщину тут трудно обмануть. Наказал меня Господь истинной любовью к Марии твоей.

– Господь любовью не наказывает, потому что Он сам – Любовь. Так матушка Василиса молвила.

– То ведомо мне. Но безответна любовь моя. Тебе всё сказываю, знаю, сам в сердце всю жизнь другую помнишь. А силой Марию не мог больше. Как глянет, так руки опускаются. Не встретил другой такой. Кабы не крепостная... Вот перед тобой поклялся. Всё в себе носил, может, легче станет...

– А боярыня твоя, а дочь? Перед ними греха не

боишься? – вновь осердился Федор.

– Боярыня? То другое совсем. А дочь люблю, но выросла. Улетела из гнезда пташка моя. Да ты пошто шумишь на меня, холоп? А я вот, вишь, должен терпеть... Смиренья перед Богом хочу. Оттого и монастырём Санаксарским занялся. Трудно человеку себя укротить, а надо. Ой как надо! Стар я становлюсь, – вздохнул боярин.

– Ещё крепок, – обронил Федор. В душе его среди всего прочего жило сочувствие к Луке Евсеичу, ведь он был последней нитью, связывающей с ушедшим Силантием, который заменил Федору отца.

– Сердце. Изнутри точит. Может, ещё долго Господь потерпит, а может, и нет. Оттого и тороплюсь сына своего единственного определить. Кровь в нём боярская, потому и честь должна быть оказана, – Лука Евсеич снова перешёл на свой боярский тон.

– Как же ты, боярин, мыслишь, Юрка от нас оторвать? А Мария, мать его? Да и я... За отца меня чтит. А боярыня твоя?

– Да я его учиться определить хочу, а Марии вольную дать. Да что там! Всея семье и тебе вольную! – Лука Евсеич взглянул на Федора. – Тому пример есть – Хитрово Богдан в Москве намерен по заведению всем крепостным своим вольную дать.

– Да ну? – усомнился Федор. – Дивно то по временам нынешним!

Он недоверчиво покачал головой, а о себе напомним:

– Ты, боярин, не забывай: вольный я!

– Это после меня трудно доказать будет. Вспомни Новый Иерусалим. К монастырским крестьянам тогда тебя приписали, вольного. Я откупил. Тебе от меня бумага спонадобится.

– Сделай бумагу, боярин, ведь я жизнь тебе спас.

– Знаю. Помню. И Силантию обет дал... А то бы не жить тебе так вольно при мне! – повысил голос боярин. Не мог он за холопом последнее слово оставить, никак не мог!

Уже уходя, Федор сказал:

– Юрку, Лука Евсеич, дорогу изволишь дать – это хорошо. Спаси тебя Бог за это! Может, и повернётся он к тебе, когда возмужает. Ранее, думаю, не след ему ничего об этом говорить. Трудно понять дитю будет. Да и молва пойдёт, не удержишь. Боярыня узнает. А привечать – привечай. Лишь бы Мария не супротив была. Да и сын он тебе перед Богом. Что тут перечить, – и Федор, отвесив боярину поклон, вышел.

Глава 7

Злоумышленник

Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно
Мф. 6, 18.

На вечернюю службу Федор отправился со старшим сыном. Юрка оставил с боярином. У паперти их уже ждал Семен, как и было условлено. На этот раз «нищий» был на месте, и Федор показал взглядом Семену на него. Попрошайка вдруг забеспокоился, но когда увидел, что Федор, перекрестившись, скрылся в храме, вздохнул с облегчением:

– Может, и не узнал меня. Да и видел меня этот боярский холоп у монастыря в сумерках всего один раз. О mein Gott! Только бы выбраться из этой варварской страны! Сколько лет! Какой обман! Зама-

нили на службу царскую посулами, а вернуться не дают. Бежать! Бежать любой ценой! Хоть бы этот татарин, Идрис, не обманул, помог. Жаль, Курт в плену отказался служить мурзе. Спорил со мной: «Ещё более страшные варвары. А нас не казнят, не посмеют. Германцы мы». А вот и посмели... Головой Курт поплатился. Жаль, пригодился бы мне сейчас. Силён был в пороховом деле. Ах, Лизхен, неужели скоро увижу тебя и детей моих? – так рассуждал перекрестившись «раненой» рукой, замотанной тряпицей, чтобы случайно не перепутать православную щепотку латинянской ладонью и не выдать себя.

Служба в церкви была предпраздничная и тянулась дольше обычного. Стемнело, и немец стал собирать свои котомки, не замечая Семёна, наблюдателя за ним из-за кустов. Миколка был тут же, вертелся среди народа. Немец, по-видимому, отличался сообразительностью и решил идти не территорией Кремля, а через ближайшие ворота обогнуть улицей кремлёвскую стену и подойти к своей цели арсеналу, через другой вход. Семен велел Миколке идти через Кремль, навстречу татю, и успеть там где-нибудь спрятаться, а сам предупредил Федора, вызвав его из храма. Тот почти побежал по улице за кремлёвской стеной за немцем. Сам же Семен поспешил к пороховым погребам напрямую.

Клубившиеся весь день облака собрались вечером в тучу. Быстро потемнело. На краткое время в природе установилось затишье, когда ни единый лист не колышется. На фоне этой тишины вдруг резко прогрохотала вывернувшаяся из-за переулка крытая повозка. Она чуть не сбила с ног Федора, а когда проскочила мимо, то он обнаружил, что «нищий» исчез, как сквозь землю провалился. Уже не скрываясь, Федор заметался от дома к дому, осматривая каждый столб, кустик. За ворота заглянуть не было возможности. Здесь, ближе к Кремлю, жили богатые купцы, служилые, подьячие из Приказной избы, стояло несколько «осадных дворов» синбирских вотчинников. На высоких воротах, окованных железом, Федора «встречали» изображения львов, заморских диковинных чудищ, что было в обычае тогда у каждого состоятельного и уважающего себя хозяина дома. Маски в основном были угрожающими или свирепо отпугивающими...

Федор уже бежал по улице. Главное сейчас было успеть раньше татю к пороховым погребам.

В это время Миколка пулей мчался к арсеналу, по дороге споткнулся, огибая Приказную избу, чуть не налетел при этом на пушку, поставленную как символ власти.

Арсенал был отгорожен и охраняем. Но, как это нередко бывает, в период затишья народ быстро привыкает к миру, во всевозможных казённых заборах и оградах появляются вдруг прорехи, которые до поры не замеченные, хотя сторожа исправно стоят у ворот. Это потом, после минувшей беды, всё залатают, починят и начнут «косить» направо и налево, восполняя упущенное усердие. Вот в такую малую прореху в ограде под кустом прополз Миколка, затаившись в арсенале. Скоро мальчик услышал громыхание повозки, и голос с акцентом спросил у ворот: «Пороховую зелью принимаете?»

Стрелец озадачился, пошёл в будку за старшим.